

Великолепная книга. Питер Акройд продолжает рассказывать историю Англии, уделяя равное внимание как событиям государственной важности, так и деталям повседневной жизни.

The New York Times Book Review

Слаженное повествование. Благодаря примечательным деталям история Англии предстает в доступном и увлекательном виде.

Independent

Детальная, прекрасно написанная история взлета и падения Стюартов.

Kirkus

Автор мастерски прослеживает характер и мотивы главных движущих сил основных событий, подробно описывает развитие литературы, непрекращающиеся религиозные распри, политические интриги и их влияние на жизнь простых граждан.

Booklist

В этом рассказе впечатляют глубина и детальность и вместе с тем доступность изложения.

Publishers Weekly

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

ОСНОВАНИЕ

От самых начал до эпохи Тюдоров

ТЮДОРЫ

От Генриха VIII до Елизаветы I

МЯТЕЖНЫЙ ВЕК

От Якова I до Славной революции

ПИТЕР
АКРОЙД
ИСТОРИЯ АНГЛИИ

МЯТЕЖНЫЙ ВЕК

От Якова I до Славной революции

УДК 94(410) "1603/1714"
ББК 63.3(4Вел)
А38

Peter Ackroyd
THE HISTORY OF ENGLAND
Volume III. Civil War

Впервые опубликовано в 2014 году издательством Macmillan

Перевод с английского Ольги Строгановой

А38 Акройд П.
Мятежный век: От Якова I до Славной революции / Питер Акройд; [пер. с англ. О. В. Строгановой]. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. – 640 с.; ил.
ISBN 978-5-389-14823-9

История Англии – это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней – не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому.

В фокусе этой книги – период английской истории, который ознаменовался правлениями Якова VI (Якова I), ставшего после смерти Елизаветы I первым Стюартом на английском престоле, и Карла I; двумя гражданскими войнами, победой парламента, промышленной революцией; протекторатом великого полководца Оливера Кромвеля, реставрацией Стюартов, правлением Карла II и, наконец, Якова II, свергнутого в результате Славной революции. На страницах живо предстает бурный XVII век с его политическими перипетиями и богатой культурной жизнью, примечательной литературой, включающей поздние шедевры Шекспира, якобитские трагедии, поэзию Джона Донна и Джона Мильтона, а также философский трактат Томаса Гоббса «Левиафан». Как это свойственно сочинениям Питера Акройда, в книге дается широкое представление о жизни обычных английских подданных на фоне постоянных социально-политических потрясений и неопределенности. Многогранное историческое повествование прекрасно дополняют 36 иллюстраций на цветной вклейке.

УДК 94(410) "1603/1714"
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-389-14823-9

© Peter Ackroyd, 2014
© Строганова О. В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
КоЛибри®

Содержание

1. Новый Соломон.....	7
2. «Пороховой заговор».....	24
3. Путеводные звезды.....	42
4. Бог богатства.....	45
5. Ангелоликий Стини.....	56
6. Лондонские испарения.....	71
7. Что нового?.....	79
8. Богемская трагедия.....	92
9. Испанские путешественники.....	110
10. Интерлюдия.....	132
11. Да здравствует король!.....	151
12. Падение.....	164
13. «Избави нас от этого слизняка».....	177
14. «Это сделал я».....	196
15. Трубный глас.....	208
16. Козявка.....	220
17. Неожиданные молнии.....	234
18. Всё на карту.....	248
19. Большая и опасная измена.....	267
20. Безумие и ярость.....	281

21. Время перемен	293
22. Новости всё страшнее и страшнее	303
23. Время оскорблений	313
24. Ни жарко ни холодно	326
25. Врата ада.....	334
26. Женщины на войне	352
27. Лик Божий	360
28. Дворец свободы.....	374
29. Новая игра	380
30. Убить короля	397
31. Дом сдается	416
32. Страх.....	437
33. Исцеление и умиротворение	442
34. Возможно ли?	465
35. Молодой человек	476
36. «О, поразительная перемена!»	485
37. На дороге.....	503
38. Встать и помочиться	508
39. «Еще не умер?».....	518
40. Истинная сила	536
41. Горячие новости	541
42. Новые слабости.....	562
43. «А может, лучше в “Петухе”?».....	583
44. «Шум рифмуется с шумом...»	590
45. Ветер протестантства	603
<i>Библиография</i>	<i>627</i>
<i>Фотоматериалы.....</i>	<i>636</i>

1

НОВЫЙ СОЛОМОН

Сэр Роберт Кэри во весь опор скакал из Лондона в Эдинбург по Великой Северной дороге. Одну ночь он провел в Йоркшире, другую — уже в Нортумберленде и появился во дворце Холируд «весь в синяках и ссадинах от серьезных падений». Он проскакал более 530 километров. Был поздний вечер субботы 26 марта 1603 года, но его сразу проводили в покои короля Шотландии Якова VI. Преклонив колено, сэр Кэри объявил его «королем Англии, Шотландии и Ирландии». В подтверждение подлинности известия он предъявил кольцо с сапфиром, брошенное ему сестрой, леди Скруп, из окна Ричмондского дворца сразу после кончины Елизаветы I. «Вот, — сказал Кэри своему новому монарху, — синее кольцо от прекрасной дамы».

«Этого достаточно, — согласился Яков, — вы надежный вестник». Король сам заранее вручил это кольцо леди Скрупу как условный знак на случай смерти королевы.

Толпа прелатов и пэров Англии тем временем встретила у ворот Уайтхолла сэра Роберта Сесила, главного советника старой королевы. Оттуда все они проследовали к Чипсайдскому кресту, где Сесил провозгласил Якова королем. Огни праздничных костров и благовест церквей озна-

меновали быструю и спокойную передачу власти. Сам Сесил заявил, что «провел корабль короля Якова в нужную гавань, избежав волн и течений, которые могли опрокинуть судно». Советник вступил в тайную переписку с Яковом, как только Елизавета слегла, он побуждал шотландского короля хранить «твердость сердца в мире мягкости».

5 апреля Яков покинул Эдинбург и отправился в свое новое королевство. Он был шотландским монархом тридцать шесть лет, оказавшись на троне в возрасте тринадцати месяцев от роду после вынужденного отречения от престола его матери королевы Шотландии Марии Стюарт. Яков был успешным, если не выдающимся правителем, умело обуздывающим амбиции склонного к раздорам духовенства и болезненно самолюбивой знати. Из-за своенравного и воинственного духа шотландских лордов он, по словам французского посла, с раннего детства жил в постоянном страхе. Тем не менее хитростью и изворотливостью Якову удалось удержать на своей голове корону Шотландии. Теперь, как говорил король своим приверженцам, перед ним лежит Земля обетованная. Он уже отослал Совету в Вестминстере просьбу о деньгах, не имея средств на достойное путешествие на юг.

Наверное, Яков не ожидал от новых подданных столь горячего и радушного приема. Позже он вспоминал: «Самые разные люди бросали дела и бежали, даже неслись мне навстречу». Они собирались толпами, дабы разглядеть короля, поскольку никто еще не жил при правлении монарха мужского пола. Самого же Якова поразило процветание страны и очевидное богатство ее властей. Впоследствии он изрек, что первые три года на новом троне прошли для него «как Рождественский праздник». До Лондона король ехал целый месяц, в основном потому, что не хотел присутствовать на погребении своей предшественницы. Он не испытывал особой любви к Елиза-

вете: она тянула с признанием его прав престолонаследия и (что, по-видимому, важнее) отдала приказ о казни его матери.

В середине апреля Яков достиг Йорка, куда встречать его прибыл Сесил. «Пусть вы всего лишь маленький человек, — объявил ему король, — мы уверенно возложим на ваши плечи большое дело». В городе Ньюарк-он-Трент Яков распорядился немедленно повесить карманного вора, посягнувшего на достояние членов королевской свиты, — король недостаточно хорошо знал законы общего права Англии. Во многом он еще оставался чужестранцем. В Бёрли-бай-Стамфорд Яков упал с лошади и сломал ключицу, продвижение к Лондону замедлилось. Три-четыре дня король отдыхал в Хартфордшире в загородном особняке Роберта Сесила Теобальдс-Хаус, где с наслаждением возвел в рыцарское достоинство значительное количество подданных.

Яков оказался настолько щедр на титулы, что его обвинили в расточительстве. За все время правления Елизаветы появилось 878 новых рыцарей, а в течение всего четырех первых месяцев при новом короле этой чести удостоилось 906 человек. Королева Елизавета даровала дворянство тем, кто, с ее точки зрения, имел реальные заслуги или достоинства; король Яков считал это просто знаком положения в обществе. Говорят, что однажды он посвятил в рыцари кусок говядины со словами «Вставайте, сэры Филей». В другой раз он не расслышал имя посвящаемого и сказал: «Прошу, поднимайтесь и называйте себя — сэры Кто угодно». Остальные титулы можно было приобрести за деньги. Снижение значимости всех титулов стало одним из первых изменений в старой тюдоровской системе.

Те, кто получал возможность увидеть короля, вряд ли оставались при хорошем впечатлении. Яков был неуклюж,

с кривоватыми ногами и нетвердой походкой — вероятно, вследствие перенесенного в детстве рахита. По свидетельству одного, правда, враждебно настроенного к королю очевидца, сэра Энтони Уэлдона, Яков постоянно «теребил свой гульфик».

Он был интересным собеседником, здравым и красноречивым, которому явно нравился звук собственного голоса. Однако впечатление от его речей для английского слушателя, наверное, портил тот факт, что король сохранял сильный шотландский акцент. Когда ему хотелось поговорить, он становился смешлив. Нередко проявлял остроумие, а шутки произносил мрачным глубокомысленным тоном. Манеры Якова были небезупречны: про него говорили, что он некрасиво ест и пьет, распускает слюни. Нарядом король уделял мало внимания, но любил камзолы на толстой подкладке, которая могла защитить от клинка убийцы — с самого детства он страшился нападения или убийства. Поговаривали, что у него фобия обнаженного холодного оружия. Тревожный блуждающий взгляд Якова особо привлекали к себе те люди при дворе, кто был ему незнаком.

7 мая Яков уже приближался к Лондону. Почти в 6,5 километра от города его встретили лорд-мэр и множество горожан. Четыре ночи он провел в Чартерхаусе, затем направился в Тауэр, где оставался несколько дней. Обустроившись в королевских покоях, Яков предпринял волнующее турне по столице, как сообщает современник, «скрытно в карете и по воде». Особенно его поразило зрелище королевских драгоценностей, хранившихся во дворце Уайтхолла, — несомненное сияющее воплощение его нового богатства.

Однако Лондон тогда вовсе не был местом для веселья. Именно в это время по улицам и переулкам города начала свой поход чума, к концу лета она собрала жатву

в 30 000 жизней. Большой торжественный въезд в столицу планировался на 25 июля, день коронации, однако боязнь заразной толпы сократила церемонию: коронация состоится, но никакой торжественной процессии не будет.

Уже в самые первые месяцы правления Якова против него начали строить заговоры. Группу аристократов, в которой кроме прочих состояли сэр Уолтер Рэли и Генри Брук, лорд Кобэм, заподозрили в замысле низложить Якова и возвести на престол его двоюродную сестру Арабеллу Стюарт. Как и большинству заговоров, этому плану помешали слухи, колебания и быстрое разоблачение. Рэли арестовали и заключили в Тауэр, где через две недели он попытался совершить самоубийство. На последовавшем суде генеральный прокурор короны, сэр Эдвард Кок, объявил его «адским пауком».

Рэли. Вы говорите неразумно, нецивилизованно и неприлично.

Кок. Мне нужны слова, достаточные, чтобы описать твои изменнические действия.

Рэли. Вам действительно нужны слова, потому что вы повторяете одно и то же уже несколько раз.

Так завершился «Основной заговор». Был раскрыт и «Второстепенный заговор», по которому короля планировалось похитить и вынудить приостановить действие законов против католиков. Он закончился ничем, — разумеется, не считая смерти его вдохновителей.

Подошло время официальной, пусть и не пышной, коронации Якова. Архиепископ Кентерберийский провел быструю церемонию в присутствии приглашенных зрителей. Супруга Якова, Анна Датская, согласилась принять корону от архиепископа, однако, как истинная католичка, отказалась перейти в протестантство. Имея мягкий и по-

кладистый нрав, она не создавала никаких проблем на протяжении правления своего мужа. Ее духовник однажды заметил, что «сам король — воздержанный человек, а в королеве мало что может вызвать в нем страсть; они исполняют супружеские обязанности без бесед друг с другом». После церемонии королевская семья покинула зачумленный Лондон ради более здорового сельского воздуха. В августе Яков и Анна совершили первую «королевскую поездку»: начали с Винчестера и Саутгемптона, а затем повернули на север в Оксфордшир, следуя примеру прославленной предшественницы Якова.

Однако к этому времени король уже заложил основы своего двора и Совета. Главным образом он позаботился вознаградить шотландскую знать самыми важными постами в личной королевской свите. Точка опоры при дворе переместилась на службу королевской спальни, практически полностью укомплектованную лицами, последовавшими за Яковом из родной страны. Это обстоятельство вызывало недовольство и тревогу среди английских придворных: говорили, что шотландские лорды, словно горы, заслоняют англичан от лучей королевской милости. Но была также образована новая служба личных покоев, состоявшая наполовину из шотландцев, наполовину из англичан. Король наслаждался ролью «умиротворителя», и такой паритетный состав наглядно демонстрировал его умение поддерживать равновесие.

Среди английских членов Совета первенством наслаждались сэр Роберт Сесил и Говарды. Генри Говард, граф Нортгемптон, в начале 1604 года получил назначение на пост губернатора Пяти портов, а годом позже стал лордом — хранителем Малой государственной печати. При Елизавете он слал в Эдинбург «бесконечные тома» советов, которые Яков называл «азиатчиной». Томас Говард, граф Саффолк, удостоился должности лорд-камергера.

Сесил, вскоре получивший титул виконта Кранборн, а затем графа Солсбери, в действительности превзошел всех. Он был маленького роста и горбат, но заметно возвышался над остальными. Король сказал ему: «Видит Бог, я считаю вас лучшим слугой из всех, что у меня были, пусть вы и не больше гончей». Яков часто называл Сесила «мой маленький бигль¹». Роберт Сесил руководил парламентом и управлял государственными доходами, занимался Ирландией и вел все международные дела. Он был неутомим, в высшей степени продуктивен и всегда неизменно учтив: терпеливо переносил все оскорбительные замечания по поводу своей внешности. Сесил был ведущим государственным деятелем, и его двоюродный брат Фрэнсис Бэкон однажды сказал, что, возможно, Роберт в состоянии не допустить ухудшения общественных дел, но он не может их улучшить. Пожалуй, это было слишком сурово — Сесил обладал глубоким политическим мышлением, — однако Генри Говард наступал ему на пятки.

Елизаветинский Совет состоял из тринадцати членов, Яков в скором времени удвоил его состав, но сам с большим удовольствием уклонялся от заседаний Совета. Ему нравились private дискуссии в уединении собственной спальни с последующей передачей полномочий. Он предпочитал частные встречи, во время которых его остроумие и здравый смысл могли компенсировать нехватку представительности. Кроме того, король не любил Лондон и всегда с радостью уезжал поохотиться куда-нибудь подальше. Как-то с выезда Яков написал советникам самодовольное письмо, посетовав, что они «жарятся в адских муках» над делами королевства. Тем не менее он наносил в столицу короткие и неожиданные визиты, когда его при-

¹ Бигль — порода английской гончей. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

сутствие считалось необходимым; говорил, что появляется «как вспышка молнии: приезжает, освещает и снова исчезает».

Дворец Уайтхолл представлял собой широко раскинувшееся скопление зданий: примерно 1400 залов для приемов, кабинетов, личных покоев и галерей. Это было место секретных встреч и тайных свиданий, подготовленных столкновений и внезапных ссор. Естественная обстановка для представления сатир Джона Донна, двух пьес из жизни Римской империи Бена Джонсона о природе честолюбия и испорченности, а также жанра маски в пору его расцвета. Балы или театральные развлечения устраивались там практически через день.

К тому же королевский двор служил главным местом размещения коллекции Томаса Говарда, графа Арундела, состоящей из чертежей Палладио, работ Гольбейна, Рафаэля и Дюрера. Влиятельные лорды и придворные тоже строили себе изысканные резиденции в Одли-Энде, Хартфилде и других местах. Граф Нортгемптон украсил свой особняк на улице Стрэнд в Лондоне турецкими коврами, брюссельскими гобеленами и китайским фарфором; кроме того, он имел коллекции глобусов и карт всех основных государств. Таков был расцветающий мир якобитства.

В начале своего правления, по пути из Эдинбурга в Лондон, Яков получил петицию. Под этим прошением его подданных-пуритан, известным под названием «Петиция тысячи», стояли подписи тысячи представителей духовного звания. В сдержанных выражениях королю предлагалось удалить из таинства крещения крестное знамение, отказаться от свадебных колец, «поправить» слова «священник» и «отпущение грехов», ликвидировать обряд конфирмации, не «настаивать» на шапочке и саккосе, облачении клириков англиканской церкви.

Король поистине обожал богословские прения: они давали ему возможность демонстрировать собственные познания. Соответственно, в качестве своего первого значительного деяния на троне Яков решил собрать группу духовных лиц во дворце Хэмптон-Корт¹ для обсуждения вопросов религиозной политики и церковных правил. Пять известных высокообразованных пуританских пресвитеров были противопоставлены ведущим священникам королевства, в число которых входили архиепископ Кентерберийский и восемь епископов.

Это была пора религиозных разногласий, пророчивших грядущие гражданские войны. Позицию епископов разделяли те, кого в целом устраивали догматы и обряды государственной Церкви. Они придерживались умеренных взглядов и принимали союз Церкви с государством. Эти люди больше надеялись на общее богослужение, чем на частную молитву; признавали роль традиции, опыта и рассудка в духовных делах. Хотя англиканство еще сформировалось не окончательно, оно служило объединению людей с неуверенной или слабой верой. Оно также подходило тем, кто просто хотел жить в ладу с ближними.

На сторону пуритан встали люди, более сосредоточенные на требованиях собственной совести. Они считали человека изначально греховным, а спасения ждали только от милости Господней. Они отвергали практику исповеди и поддерживали активный самоанализ поведения и строгую самодисциплину. Пуритане хотели иметь дело не с епископатом, а с выборными старейшинами-проповедниками. Источником всей Божественной истины они почитали слово Священного Писания и верили в Промысел Божий. И мужчины, и женщины пуритан-

¹ Хэмптон-Корт (Hampton Court) – великолепная королевская резиденция на берегу Темзы недалеко от Лондона.

ской традиции полностью подчиняли себя воле Божией, и никакой обряд не мог заставить их сойти с выбранного пути. Это придавало им усердие и энергию в попытках очистить от скверны существующий мир и, как сформулировал один пуританский богослов, дарило «праведное неистовство в исполнении своего долга». Иной раз они говорили, как чувствовали, не стесняясь в выражениях. Считалось (совершенно несправедливо), что пуритане Бога любят всей душой, а всем сердцем ненавидят ближнего.

На том этапе, однако, эти две стороны не были противоборствующими конфессиями, скорее их следует рассматривать как различные движения внутри одной Церкви: первое официальное столкновение между представителями разных направлений произошло зимой в Хэмптон-Корте. В первый день конференции, 14 января 1604 года, король ограничился разговором со своим священством. Яков обсудил с епископами изменения, предлагавшиеся в «Петиции тысячи». На второй день во дворец пригласили пуританских богословов. Первым слово получил Джон Рейнольдс. Он стал доказывать, что Англиканская церковь должна более последовательно принять кальвинистскую доктрину. Епископ Лондонский Ричард Бэнкрофт немедленно вмешался. Он опустился перед королем на колени и заявил, что «нужно соблюдать канон предков». Под этой формулировкой Бэнкрофт подразумевал, что «раскольникам» не следует позволять возвышать голос против епископата. Яков позволил продолжить дискуссию по конкретным вопросам.

В последовавших затем дебатах король повел себя прозорливо и рассудительно. Он отверг требование пуритан об углублении кальвинизма, но с интересом встретил их предложение создать новый перевод Библии. Этот запрос в итоге привел к великолепному результату в виде уточнен-

ного перевода Библии, авторизованного королем Яковом. Затем пуританские представители обсудили проблему подготовки знающих старейшин-пресвитеров и трудностей в работе с вопросами личного сознания. Король стремился уступать пуританам в определенных моментах, искренне веря, что умеренная политика, «средний путь», поддержит единство внутри Церкви. В зимнюю стужу камин Хэмптон-Корта ярко пылал, а король, епископы и даже делегаты пуритан кутались в меха.

Все, казалось, шло без серьезных осложнений, пока Рейнольдс не заговорил о том, что епископам королевства следует советоваться с пресвитерами. Вот тут король взвился. Слово «пресвитер», название старшего в христианской церкви, вызывало в нем неприятные ассоциации. В прежние времена его выводили из себя пресвитерианские теологи Шотландии, которые не всегда относились к его величеству с должным уважением: они тяготели к республиканству и даже эгалитаризму. Один из них, Эндрю Мелвилл, в лицо называл Якова «глупым рабом Божиим».

Теперь Яков сказал Рейнольдсу и его товарищам, что они, похоже, ориентируются «на шотландскую пресвитерию, которая так же мало согласуется с монархией, как Господь с дьяволом». Он добавил, что их позиция означает следующее: «Джек и Том, Уилл и Дик будут собираться и на свое усмотрение судить меня, мой Совет и все наши решения». Свою речь король завершил рекомендацией Рейнольдсу: «Пока вы не обнаружите, что я обленился, оставьте меня в покое». С того момента его девизом будет «Нет епископа — нет и короля». Когда пуританские делегаты удалились, Яков заметил: «Если это все, что они хотели сказать, я заставлю их подчиниться или вышвырну из страны, а то и сделаю с ними что-нибудь похуже».

Два дня спустя король вызвал епископов для дальнейшего разговора, затем снова пригласил пуритан

и приказал им в целом принять традиционный требник Англиканской церкви Книга общих молитв, переизданный сорок пять лет назад. Конференция завершилась. Предстоящий перевод был замечательным плодом этого предприятия, однако в целом встречу в Хэмптон-Корте нельзя считать большим успехом. В итоге обозначилась проблема: судя по всему, в стране существует не одна национальная Церковь, а как минимум две с разными смыслами и целями.

Король, как обычно, остался доволен своим выступлением в Хэмптон-Корте. «Я отлично задал им перцу», — резюмировал Яков. Епископы сказали ему, что он звучал очень убедительно. «Не знаю, что они имели в виду, — написал сэр Джон Харингтон своей жене, — но общая атмосфера была довольно оскорбительной». В один момент король произнес: «Еще не хватало! Да я лучше отдам ребенка крестить обезьяне, чем женщине». К тому же он одергивал пуритан замечаниями типа «Кончайте распускать сопли!».

Тем не менее во многих отношениях Яков был сведущим человеком. Всю свою жизнь он сражался и полемизировал с шотландским духовенством. Он почти наслаждался богословскими дебатами. Один из его слушателей написал: «Король четко мыслит, здраво судит и имеет цепкую память». Кроме того, Яков считал себя мастером пера и написал целые тома о демонологии, монархии, чародействе и табакокурении. На медали к восшествию на престол его изобразили увенчанным лавровым венком — явный признак литературных притязаний короля. Он даже ответил на опубликованные против него «бранные стишки» собственным нескладным стихотворением. В 1616 году Яков выпустил полное собрание своих прозаических сочинений форматом инфолио и стал первым английским монархом, сподобившимся на такое дело. В конце концов

его стали величать — иной раз саркастически — «британским Соломоном».

Архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт в то время доживал свои последние дни. Он понимал, что результат Хэмптон-Кортской конференции никоим образом не положил конец религиозным распрям. Ему было хорошо известно, что в парламенте, который скоро должен был собраться, есть много лордов и дворян с пуританскими убеждениями. За четыре дня до начала работы парламента 19 марта 1604 года Яков I решил с помпой проехать по столице. Теперь, когда угроза чумы исчезла, было заявлено: народ собрался из каждого «графства, района, города и деревушки», чтобы воздать хвалу новому монарху. На пути торжественной процессии от Тауэра к Уайтхоллу возвели семь триумфальных арок в стиле времен Римской империи. Однако пышность не у всех вызвала восхищение.

Собравшийся многочисленный парламент намеревался присмотреться к новому королю. В своей вступительной речи Яков высказал несколько замечаний по поводу ситуации с религией и покритиковал пуритан за «постоянное недовольство существующим правительством». Когда стало ясно, что членов палаты общин гораздо больше интересуют вопросы вызывавших протесты короля парламентских привилегий, Яков пожурил их, «как отец своих детей». Вскоре появились и другие основания для взаимного раздражения.

Возник спор вокруг выборов депутата от графства Бекингемшир, и последовавшая дискуссия настроила короля против парламента. 5 апреля спикер передал послание от Якова о том, что он «как самовластный правитель» повелевает, чтобы дело решалось на переговорах между членами палаты общин и судьями канцелярии. Уже долгие годы ни один монарх не разговаривал с парламентом в подоб-

ном тоне. После такого безапелляционного требования воцарилось изумленное молчание, затем поднялся один депутат и проговорил: «Приказ принца как удар молнии, его обращение к нашей верности звучит словно рык льва, и кто сможет здесь противоречить ему?»

Возможно, главной причиной стал все-таки другой пассаж. В середине апреля был поставлен вопрос об унии Англии с Шотландией и принятии Яковом титула короля Великобритании. Предполагалось, что в сложившихся обстоятельствах дело будет чистой формальностью. Однако убедить членов палаты общин оказалось не так уж легко. Какого рода предлагается союз? Экономический? Конституционный? Какими законами будет управляться эта «Британия»? Не исключено нашествие шотландцев, которые захватят все посты и награды. Как может общее право Англии совместиться с законными традициями Шотландии и даже с таможенным уложением Ирландии?

Сам король был категоричен. «Я муж, — заявил он, — и весь Остров моя законная жена. Я голова, а он мое тело. Неужели вы хотите, чтобы я стал многоженцем и имел двух разных жен?» Прения длились весь следующий год, в формулировке короля, «со многими столкновениями, долгими дебатами, странными вопросами и нулевым результатом». Яков видел в своем воображении единое королевство с одним законодательством, одним языком и общей верой, однако реальная ситуация того периода сделала цель недостижимой. Англичане, например, требовали, чтобы шотландцы платили такие же налоги, как в Англии, а те возражали, ссылаясь на бедность населения Шотландии. Члены палаты общин пришли к согласию: «Мы не в состоянии создать законы, которые связали бы *Британию*... давайте продвигаться малыми шагами». Заинтересованность короля в этом проекте была так же

велика, как и его бешенство в отношении противников унии.

Затем парламент переключил свое внимание на церковные дела, в частности на итоги конференции в Хэмптон-Корте. Именно здесь, как мы знаем, архиепископ Джон Уитгифт ожидал проблем от многочисленных джентри¹ пуританских убеждений, которые уже заняли места в парламенте. К концу мая палата общин внесла два законопроекта. Один билль был направлен против плюралистов и нерезидентов. К таким людям, которые имели более одного церковного прихода или были склонны безответственно относиться к своим обязанностям, принадлежали некоторые из самых известных членов государственной Церкви. Предвзятость членов палаты общин не оставляла сомнений. Второй билль выражал желание иметь «образованное и благочестивое духовенство», что полностью совпадало с желанием пуритан.

Король злился, и в качестве обоснования парламентская комиссия разработала «Апологию», которую представила членам палаты общин 20 июня. В «Апологии» защищались такие права парламентариев, как свобода слова и физическая неприкосновенность; заявлялось: «Наши привилегии и свободы – наше неоспоримое право и законное наследие не меньше, чем наши земли и имущество». Наверное, это был парламентский способ познакомить шотландского короля с особенностями конституции Англии. В другой статье документа констатировалось: «Ваше Величество ввели в заблуждение, если кто-либо говорил Вам, будто английские короли имеют абсолютную власть, могут по собственному усмотрению вносить изменения в религию... или издавать какие-либо законы

¹ Джентри (gentry) – мелкое и среднее английское дворянство (чаще всего негитулованное).

о религии без согласия парламента». «Апология» так и не была передана королю. По всей видимости, большинство членов палаты общин отвергло документ, посчитав его слишком смелым.

Однако нет никаких сомнений, что Яков узнал об этой «Апологии». Его возмутил и смысл документа, и дерзость слога. 7 июля король назначил перерыв в работе парламента, а в своей речи отчитал некоторых членов палаты общин, назвал их «пустоголовыми суетливыми осведомителями, которые лезут не в свое дело». Он говорил, что в Шотландии его слушали с уважением, а здесь «с утра до вечера стараются найти дефекты в королевских суждениях». В Шотландии «все, что исходило [от него], выполнялось. Здесь же все подвергается сомнению». И добавил: «Многие вещи вы сделали непродуманно, хотя я не говорю, что вы демонстрировали нелояльность». А в заключение посоветовал: «Мое единственное пожелание вам — лучше заботиться о форме. Я люблю форму так же, как содержание». Наверное, Яков ждал поддержки Ричарда Бэнкрофта, недавно ставшего архиепископом Кентерберийским. Бэнкрофт был убежденным сторонником королевской прерогативы и не любил пуритан. Тем не менее архиепископ направлял Собор высшего духовенства к соблюдению общих догматов Англиканской церкви. Каноны 1604 года ничего не дали пуританам, а потребовали, чтобы они подчинились Книге общих молитв и «39 статьям»¹. Пресвитеры пуритан должны были либо смириться, либо получить отрешение от должности. Более жестокие наказания, по правде говоря, применялись очень редко, однако эти меры ознаменовали первый раскол в истории реформатской Англиканской церкви.

¹ «39 статей» (the Thirty-Nine Articles) — свод догматов Англиканской церкви, принятый в 1571 г. при королеве Елизавете.

1. НОВЫЙ СОЛОМОН

Итак, король Яков I мало или практически ничего не достиг с помощью парламента и самым неприятным образом объявил перерыв в его работе. Позже он заявил, что это было тело без головы. Говорят, что он произнес и такие слова: «На их заседаниях только вопли, крики и полный беспорядок. Удивляюсь, как мои предшественники вообще позволили появиться такому институту». Вероятно, это мнение разделяли и другие люди. Зимой 1604 года Томас Перси арендовал дом возле дворца Вестминстер и (с помощью Гая Фокса и остальных заговорщиков) начал рыть подземный ход.

Научно-популярное издание

Акройд Питер

МЯТЕЖНЫЙ ВЕК

От Якова I до Славной революции

Ответственный редактор А. Захарова

Редактор И. Якимова

Художественный редактор Н. Данильченко

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры Е. Туманова, О. Левина

Компьютерная верстка А. Тарасова

На обложке: портрет Оливера Кромвеля (Питер Лели, ок. 1660 г.)
и фрагмент картины «Карл I с трех сторон»
(Антонис Ван Дейк, 1635–1636 гг.)

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 15.02.2021. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «New Baskerville».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,0.
Тираж 5000 экз. В-НПЕ-23112-01-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru